

Давление на Линь Ци было огромным. Компания, находящаяся в режиме ожидания, уже накопила достаточно событий, чтобы считать Лю Цзяжэня главным зачинщиком этой истории. Теперь, если даже такой топовый актёр, как Жун И, стал жертвой чёрного пиара, то компании «Хуэйсин» оставалось только надеяться, что Лю Цзяжэнь ограничится Цюй Хайяо и не тронет их.

Компания, конечно, не могла предположить, что всё началось с Жун И. На данный момент компания не интересовалась судьбой Жун И и Цюй Хайяо, съёмочная группа волновалась только о съёмочном графике и репутации, а в глазах многих Жун И, возможно, уже перестал быть тем гениальным актёром, который парил в облаках. Грязное болото протягивало свои щупальца, пытаясь стащить его с небес в бездну.

Только Цюй Хайяо, который сам был в беде, мучился от этого. Весь день он провёл в тревоге, не ел, не пил, выглядел бледным и измученным. Прогнав ассистентов, он остался один в своей комнате, бесполезно размышляя. Когда раздался стук в дверь, уже прошло время ужина, и Цюй Хайяо, не поднимая головы, крикнул:

— Не хочу есть!

Стук прекратился. Но через пару секунд возобновился с новой силой.

Цюй Хайяо и без того был раздражён, а теперь его терпение лопнуло. Он вскочил и бросился к двери, намереваясь всучить любому ассистенту, который принёс ему еду, всё обратно.

Но за дверью стоял Жун И. Это превратило его взъерошенные волосы и раздражённое лицо в нечто смешное.

Но Жун И не стал насмехаться над ним. Он взглянул на Цюй Хайяо, застывшего в дверях, затем наклонил голову и кивнул в сторону коридора:

— Там же камера наблюдения на меня направлена.

Цюй Хайяо очнулся и поспешно пропустил Жун И в комнату.

— Брат... э... — Цюй Хайяо, который весь день и ночь провёл в тревоге, теперь чувствовал себя ещё более неловко. Внезапно он осознал, что, если отбросить все эти грязные слухи, всё в том посте сводилось к тому, что между ним и Жун И существовала связь, основанная на власти и сексе.

Он и Жун И, двое главных фигурантов этой истории, теперь стояли лицом к лицу в комнате Цюй Хайяо. Осознание этого заставило его лицо покраснеть, и он почувствовал невероятную неловкость. Он играл множество ролей, где приходилось притворяться дурачком или влюблённым, и «бесстыдство» всегда было частью актёрской профессии, но Цюй Хайяо никогда не чувствовал себя настолько униженным и неловким.

— Прости, что втянул тебя в это, — опустив голову, Цюй Хайяо выглядел как ученик, просящий снисхождения у учителя.

Но большинство ошибок учеников не столь серьёзны, и даже если ребёнок считает, что он пробил небо, для учителя это не проблема.

Но эта ситуация была куда сложнее. Цюй Хайяо почти не смотрел на Жун И, но услышал, как тот, усевшись на диван, спокойно спросил:

— Какая ещё вина? Кого я втянул?

— А? — Цюй Хайяо не сразу понял. — Я имел в виду, что втянул тебя в эти сплетни...

— Ты слишком много думаешь, — резко прервал его Жун И. — Кроме того, что ты якобы стал жертвой моих «скрытых правил», всё остальное — правда.

Цюй Хайяо остолбенел. Кажется, его сердце и кровь на мгновение остановились. Его широко раскрытые глаза выражали только шок, и Жун И даже подумал, не выпадут ли они сейчас.

— Ты так удивлён? — Жун И, казалось, нашёл это забавным. Он опёрся локтем на подлокотник дивана, подперев подбородок указательным пальцем.

— История с «MENU» началась с того, что Ци Син рассказал мне о теме съёмки, которая вдохновила его. Он встретился с тобой и решил использовать твою идею. Я предложил ему взять тебя. Сначала он сомневался, но я немного подтолкнул его, и он согласился, — с лёгкой улыбкой Жун И скрестил ноги и откинулся на спинку дивана.

— Что касается этой роли, — он постучал пальцем по подлокотнику, — два года назад, когда режиссёр Вэнь впервые предложил мне её, я увидел первоначальную версию сценария. Потом его много раз переписывали, и окончательная версия сильно отличалась от первой. Если бы Го Чэнчжо не попал в беду, использовали бы именно её.

— Но во время съёмок «MENU» я увидел твой классический образ, и мне сразу вспомнился первоначальный сценарий. Только в той версии Хуанфу Юйхуа был сводным братом Вэй Ли. Поэтому я подумал о тебе.

Мозг Цюй Хайяо, который до этого был в оцепенении, начал постепенно приходить в себя. Он вспомнил, как на кинопробах для этой роли в офисе Liyang встретил каскадёра Хай Чжэня, и всё стало на свои места.

— Значит... Го Чэнчжо и другие актёры, которые пробовались на эту роль, получали не тот сценарий, что я?

Жун И кивнул:

— Да. Роль Хуанфу Юйхуа прошла через множество актёров, но первоначальный сценарий был только у тебя.

Грудь Цюй Хайяо сильно вздымалась. Он чувствовал, что его мозг снова вот-вот отключится, но на этот раз не из-за шока, а из-за неконтролируемого всплеска эмоций.

— Я предложил «MENU» использовать тебя, а затем предложил режиссёру Вэню взять тебя на роль. Всё это правда, и тот пост не лжёт, — взгляд Жун И был глубоким, а длинные уголки глаз светились спокойствием и мудростью. — Но мы с тобой знаем лучше всех, почему я заботился о тебе.

Он слегка наклонился вперёд, ноги переплелись, как у змеи, а спина оставалась удивительно прямой.

— Ты похож на меня внешне, и даже в характере есть сходства, хотя и незначительные. Но я твой старший, и я знаю, что тебя ждёт, если ты свяжешься с Лю Цзяжэнем. Я не хочу, чтобы ты прошёл через то, что прошёл я.

Тот путь... Цюй Хайяо смотрел в глубокие глаза Жун И и с трудом спросил:

— Это было... тяжело? Он причинил тебе много боли?

Жун И слегка опустил веки, а затем поднял их с тем же спокойным выражением.

— Тяжело, конечно. Но в любой профессии, если хочешь добиться успеха, придётся трудиться. Это не стоит упоминания.

— Тогда почему ты так заботишься обо мне? — Такое пренебрежение к своим страданиям задело Цюй Хайяо, и в его голосе прозвучала нотка гнева. Чем больше он узнавал Жун И, тем больше понимал, насколько тот удивительный человек. И видеть, как такой человек страдает в тени, не считая свои слёзы чем-то важным, было невыносимо больно.

Жун И, похоже, почувствовал его гнев, и его выражение стало мягче, хотя уголки губ и глаз всё ещё не выражали улыбки, а скорее лёгкую снисходительность.

— Потому что, хотя ты похож на меня, ты — не я. Я могу привыкнуть к этим трудностям, выжить и даже процветать, но ты — не обязательно.

Эти слова звучали как осуждение, но в них не было ни капли презрения. Это было так же просто, как сказать, что сегодня лосось подорожал на два юаня за килограмм. Цюй Хайяо уловил в этом отсутствии злобы истинный смысл.

— Ценность человека не измеряется тем, сколько он может вытерпеть. Никто не заслуживает страданий только потому, что может или не может их перенести. Самое главное — у меня есть возможность избавить тебя от этого, так зачем же мне смотреть, как ты страдаешь?

<http://bllate.org/book/16304/1470830>